

Павликиане: еретики или истинные христиане?

Данная статья посвящена краткому изложению истории и вероучения христианской церкви, существовавшей в средневековой Армении и ставившей своей главной целью сохранение исконной чистоты христианства, освобождение его от всех «элементов» язычества и идолопоклонства.

Название «павликиане», которое употребляется в отношении этой церкви современными историками, было в ходу в основном среди противников павликиан; сами они называли себя просто «христианами», в то время как последователей государственной религии Византийской (Восточной Римской) империи они именовали «ромеями» (римлянами), считая их отступниками от истинного учения Христа. Название «павликиане» происходит от имени апостола Павла, которого павликиане предположительно чтили выше других апостолов. Главными сохранившимися до наших дней источниками по истории павликиан являются труды ученого монаха Петра Сицилийского «*Petri Siculi Historia utilis et refutatio atque eversio haereseos Manichaeorum qui et Pauliciani dicuntur*» и патриарха Фотия «*Sanctissimi Photii Narratio de Manichaeis recens repullulantibus*». Кроме того, сохранился манускрипт "Ключи от правды" тондракийцев, которых считают позднейшими последователями "павликиан".

ИСТОРИЯ

Согласно распространенным взглядам, основателем церкви павликиан был Константин из деревни Мананалис близ Самосаты, учивший во второй половине VII века. Вместе с тем, по мнению профессора теологии Оксфордского университета, известного специалиста в вопросах происхождения христианства и истории армянской церкви Фредерика Конибера, "павликиане" являются прямыми продолжателями учения и традиций апостольского христианства, получившего распространение в Армении задолго до деятельности Григория Просветителя.

Константин, будучи возможно ранее связанным с одной из гностических сект, изучил Новый завет, копию которого он получил в подарок от одного из дьяконов, в благодарность за оказанное гостеприимство. Полагая, что его толкование учения, изложенного в посланиях апостола Павла, соответствует духу раннего христианства, Константин принял имя Сильван, в честь сподвижника Павла. Этим была заложена традиция среди павликиан называть себя именами сподвижников Павла.

Деятельность Константина-Сильвана охватывала период 657-684 г.г. В 684 году византийский император Константин Погонат послал офицера по имени Симеон в районы деятельности павликиан с целью подавления их движения и наказания лидеров. В результате по приказу Симеона Константин-Сильван был казнен. Вместе с тем захваченные в плен павликиане в большинстве своем не отреклись от своей веры. Во время бесед с ними на Симеона произвела впечатление христианская искренность павликиан и принципы их веры. Симеон возвратился в Константинополь, в тайне разделяя убеждения павликиан, но, будучи не в силах скрывать своих убеждений, тайно отбыл в Кибоссу, где проживали павликиане. Вскоре Симеон возглавил движение, взяв себе имя Тит. В течение трех лет руководства Симеона в движение влилось множество новых сторонников, но уже в 690 г. император Юстиниан II организовал новую карательную экспедицию, в результате которой Тит и многие другие были казнены.

Среди выживших в этой чистке был некий Павел, который возглавил движение, назначив своим преемником своего старшего сына Гегнезия (Тимофея). Во время правления императора Льва Исауряна в Константинополь поступили новые жалобы на павликиан. Император приказал Гегнезию явиться в Константинополь и предстать перед судом. Но Гегнезию, представшему

перед патриархом, удалось ответить на все вопросы таким образом, чтобы, на словах соглашаясь с ортодоксией, вместе с тем не отречься от своей веры. Например, на вопрос патриарха о том, почему Гегнезий покинул Католическую церковь, он ответил, что не имел этого и в мыслях и только в Католической церкви можно найти спасение. Но под Католической церковью Гегнезий на самом деле имел в виду церковь павликиан. Патриарх затем спросил Гегнезия, почему павликиане отказываются почитать Матерь Божью. Тогда Гегнезий провозгласил анафему любому, кто отказывается почитать Матерь Божью, в которую вошел Христос и из которой он вышел. Но при этом он имел в виду не земную мать Иисуса, а невидимый небесный Град Божий, небесный Иерусалим, мать божественной жизни, доступ к которому для искупленных приготовил Христос, вступив туда как их предтеча. Затем патриарх спросил Гегнезия, почему он отказывается почитать крест. Гегнезий тогда провозгласил анафему любому, кто отказывается почитать крест, но при этом он имел в виду крест как символическое имя Христа. Наконец, Гегнезия спросили, почему он отказывается принимать от тела и крови Христа. Ответ на этот вопрос был тоже вполне удовлетворительным: под телом и кровью Христовой Гегнезий привык понимать учение Христа, которое он принимает всем сердцем. Таким же образом Гегнезий ответил и на вопрос о крещении водой, под которой он понимал самого Христа, живую воду, воду жизни. После того, как об этом суде доложили императору, Гегнезий получил от него охранное письмо, которое защитило его от всех будущих жалоб и преследований. Впрочем, павликиане могли с самого начала пользоваться симпатиями и благосклонностью императора Льва Исаурия (известного также как Лев V Иконоборец): известно, что павликиане были решительными противниками поклонения изображениям, рассматривая его как суеверие и идолопоклонство.

Гегнезий активно служил церкви павликиан в течении тридцати лет, а по его смерти его сменил сын Захария, при котором влияние павликиан распространилось за пределы Армении на территорию Малой Азии.

Наивысшего процветания церковь павликиан достигла при руководстве Сергия. Сергей происходил из деревни Ания в окрестностях города Тавия в Галатии и примкнул к церкви в молодом возрасте. История обращения Сергия такова: однажды он вступил в разговор с женщиной из павликиан. На вопрос женщины о том, читал ли он Евангелие, Сергей ответил отрицательно: его могут читать только священнослужители, поскольку тайны Священного Писания слишком возвышенны для мирянина. На что женщина ответила, что Священное Писание предназначено для всех людей, и открыто для всех, поскольку Бог желает, чтобы всем открылась правда, но духовенство, которое запрещает мирянам его изучать, на самом деле хочет скрыть от мирян тайны божественного мира. Далее женщина спросила: о ком говорится в Евангелии как о пророках и чудотворцах, которых отвергнет Христос (Мат. 7:22-23), и кто есть отвергнутые «сыны царства» (Мат. 8:12)? Они – те, продолжала она, кого вы зовете святыми, кто изгоняет злых духов, кого вы почитаете, пренебрегая при этом почитанием живого Бога. Сказанные слова произвели большое впечатление на молодого Сергия. Он усердно изучил писания апостола Павла, откуда почерпнул познания истинного содержания христианства.

После изучения и принятия веры павликиан Сергей стал учителем и усердно трудился во благо церкви 34 года, объездив всю Малую Азию, для содействия укреплению и развитию местных общин павликиан и распространения их веры. Он старался во всем наследовать апостолу Павлу, в частности, отказываясь получать средства от других и зарабатывая на жизнь трудом своих рук (работая плотником). Даже противники Сергия признавали его высокие моральные качества, добросердечность, строгое соблюдение провозглашаемых этических принципов в повседневной жизни. Сергей завоевывал последователей тем, что проповедовал и демонстрировал своими поступками практическую сторону христианского учения, которое церковники сводили к формальной ортодоксии. Также Сергей привлекал к себе сторонников, демонстрируя противоречия между многими церковными предписаниями, и неизвестными мирянам

высказываниями евангелистов и св. Павла. Слушателями Сергия были не только миряне, но и монахи и священнослужители.

Начало IX ст. было благоприятным для павликиан. Византийский император Никифор I не преследовал инакомыслящих и предоставил павликианам свободу вероисповедания. В это же время внутри самой греческой церкви немало иерархов считало нехристианским преследование еретиков мечем, вместо этого видя свою обязанность в их мирном переубеждении и восстановлении на «путь истинный».

Репрессии в адрес павликиан возобновились во времена правления императора Льва V Армянина (813-820). Он назначил инквизиторов – епископа Фому и аббата Паракондакеса – которым вменялось наставлять и возвращать в лоно церкви покаявшихся, и предавать мечу упорствующих «еретиков». Жестокость инквизиторов спровоцировала восстание павликиан в городе Циносхора, которые казнили инквизиторов, после чего бежали в часть Армении, находившуюся под властью сарацинов. Сарацины дружественно приняли павликиан как врагов Византийской империи, и выделили им для проживания город Аргаум. Продолжающиеся преследования павликиан в Византии вынуждали всё большее их число переселяться в эту часть Армении. Вскоре сюда переселился и Сергий. В отсутствие преследований павликиане сформировали внушительную силу. Временами они совершали набеги на соседние провинции, в ходе которых уводили пленников, которых пытались обратить в свою веру. Сергий пытался отговорить от этого своих сторонников, но его не всегда слушались. Погиб Сергий в 835 году: во время лесорубных работ (Сергий зарабатывал на жизнь в качестве плотника) его убил фанатический приверженец греческой церкви.

Гонения на павликиан усилились с приходом к власти императрицы Феодоры. Движение возглавил Карбей, который основал государство павликиан и построил крепость Тефрику (ныне – турецкий город Дивриги). Карбей был убит в 863 году во время очередной кампании преследований павликиан, организованной императором Михаилом III. Преемник Карбея, его племянник Хрисохер возглавлял движение павликиан в 863-872 годах. Во время его правления павликиане достигли наибольших политических и военных успехов. Хрисохер организовал поход в Никомедию и Никею, во время которого, после взятия Эфеса, превратил его церковь св. Иоанна в конюшню. Во время этого похода павликиане захватили в плен множество священнослужителей. Для организации обмена пленными Василий I в 868 г. отправил к павликианам послом ученого монаха Петра Сицилийского. Он прожил девять месяцев среди павликиан и позднее описал собранные им факты в книге, которая по сегодняшний день является основным источником по истории павликиан. Византии и павликианам не удалось договориться о мире, император Василий I, встревоженный силой павликиан, организовал поход на Тефрику, но он закончился неудачей, а павликиане, в ходе успешной контратаки, захватили Анкару. Одновременно павликиане организовывали походы против армян и арабов. В конце концов, зятю Василия I Христофору в 872 году удалось разбить государство павликиан и захватить Тефрику. Хрисохер при этом был захвачен и обезглавлен. По всей Западной Армении было умерщвлено около 100 тысяч павликиан: многие оставшиеся бежали в Восточную Армению и объединились с армянским движением тондракитов.

Несмотря на это, сообщества павликиан продолжали существовать в Византии. Императоры Константин V и Иоанн Цимисский переселили часть павликиан во Фракию, где в обмен на свободу вероисповедания они были обязаны сдерживать наступления скифов на Византию. В XI-XII столетиях павликиане оставались верными Византии, принимая на ее стороне участие в битвах с норманнами, хотя византийцы и делали попытки обратить их в «правильную» веру. Во время захвата Константинополя крестоносцами (1204) они еще застали там павликиан.

Хоть и немногочисленные, общины павликиан продолжали существовать практически всё 2 тысячелетие н.э., распространившись по всей территории Византии. Так, в XVIII в. из-за религиозных преследований турками общины г. Никополиса (запад Греции) павликиане бежали за Дунай, осев в Банате (входившим тогда в состав Австро-Венгрии). Эти переселенцы стали называться Банатскими болгарами. До сих пор на границе Румынии и Сербии проживает 10-15 тысяч потомков павликиан – банатских болгар (хоть они и забыли свои прежние верования и сейчас исповедуют римо-католичество).

На территории самой Армении павликиане продолжали существовать под именем тондракийцев. Ликвидация армянских павликианских твердынь на территории Византии привела к усилению их стремления заново возродить это движение на родине, внутри Армении. Между 830-м и 840 годами некий Сумбат Зарехаванци начал миссионерскую работу в далеком районе Апахунике, близ города Манацкерт, к северу от озера Ван. Его штаб размещался в селении Тондрак, отсюда прозвище тондракийцы (тондракиты), данное позднее армянской ветви павликианского движения

Тондракийцы были не только хорошо организованной религиозной сектой, но и внушительной группой социальных реформаторов и мятежников. Они были враждебны феодальным князьям и властям, а также устоявшейся армяно-григорианской церковной иерархии, с ее непомерными богатствами и полным контролем над идеологией, общественной жизнью и культурой населения в целом. Историк Иоанн Католикос (898-929 гг.) жалуется, что "низшие сословия стремятся стать умнее высших классов, а слуги, подобно Соломону, рассуждают о том, что хозяевам их следует носить сандалии и ходить пешком, а им самим ездить на великолепных гарцующих конях. Они стали дерзкими, исполненными гордыни и подняли великий мятеж".

Тондракийцы нападали на феодальные привилегии армянских нахараров, которые, объединившись со священниками, задались целью преследовать и подавлять их. Столкнувшись с хорошо организованным и глубоко укоренившимся движением социального протеста, армянские князья объединились в едином стремлении с арабскими эмирами-наместниками, сидящими в Двине. Арабский эмир Абул-Вард пошел в решительный поход против тондракийцев. Ему помогала в этом армянская знать Манацкертского региона. Сумбат Зарехаванци был взят в плен и казнен. Однако тондракитское движение не рассеялось с гибелью своего основателя, оно продолжало существовать на протяжении всего X столетия, заставляя большие территории Армении и Кавказской Албании дергаться в судорогах гражданских битв и социального протеста.

На территории восточной Армении следы павликиан прослеживаются до сер. XIX века. Британский исследователь Конибер (Frederick Cornwallis Conybeare) зафиксировал дискуссии между павликианами и армяно-григорианским епископом в 1837 году.

ВЕРОУЧЕНИЕ

Дошедшая до нас информация об учении павликиан – весьма неполная. В традиционном христианстве считается само самое разумеющемся, что совершенный Бог является творцом Вселенной. Вопреки этому, павликиане различали Демиурга, который является творцом видимого мира, и совершенного Бога, который имеет прямое отношение только к духовному миру, и не проявляет себя в чувственном мире. Соответственно, павликиане обвиняли католическую церковь в том, что она не различает эти две сущности, и, фактически, поклоняется Демиургу. В своих диспутах с католиками павликиане подчеркивали, что, в отличие от католиков, поклоняющихся творцу этого мира, сами они верят в того, о ком Иисус говорил: «А вы ни гласа Его никогда не слышали, ни лица Его не видели» (Иоан. 5:37).

Этим учение павликиан напоминает учение манихеев, базирующееся на противопоставлении сил Света и Тьмы. В то же время у ранних гностиков Демиург не соответствовал однозначно силам зла: скорее, творение видимого мира Демиургом рассматривалось как следствие космической катастрофы, «падения» Демиурга в низшие сферы, вследствие чего возникла оторванность Демиурга от изначального источника полноты (Плеромы). Следует отметить, что, хотя противники павликиан часто ассоциировали их с манихеями, однако, согласно Фотию, сами павликиане отреклись от манихеев и осуждали их.

Какая из этих двух концепций более точно отвечает представлениям павликиан, достоверно не известно. Фотий обвинял павликиан в непоследовательности: якобы, некоторые из них приписывали сотворение небес Богу, тогда как другие – демиургу. Но это, скорее всего, следствие путаницы в терминах: в представлении павликиан, если понимать под «небесами» видимый небосвод, звездное небо, он является творением Демиурга, если же «небеса» понимать в духовном смысле (как обитель сакрального), то они – царство «совершенного» Бога. Данное представление – весьма непривычно для древнего мира: до возникновения астрономических знаний древним было свойственно обожествление (сакрализация) небесных светил, их движения: видимое небо считалось священным местом, обителью богов. Например, согласно верованиям манихеев, Солнце и Луна состоят из частиц божественного света, которых не коснулась тьма. Павликиане же, задолго до возникновения современных астрономических знаний, не различали «небесную» материю и материю земную.

Павликиане придерживались дуалистической антропологии: в их представлении, человеческая природа состоит из двух сущностей: сотворенной Демиургом телесной, состоящей из материи, и духовной, имеющей божественное происхождение. Душа человека рассматривается как изгнанница в телесном мире, который подобно кандалам сковывает и ограничивает в проявлениях ее высшую сущность. В отличие, например, от некоторых гностических сект, разделявших людей на несколько категорий и веривших, что полное освобождение от оков царства Демиурга доступно только для принадлежащих к высшей категории («пневматиков»), павликиане учили, что зародыш божественной жизни содержится в каждом человеке, и каждый при благоприятных условиях способен в той или иной форме воспринять послание божественной правды. Поэтому павликиане активно вели проповедническую деятельность.

Согласно сохранившимся отрывкам из Сергия, павликиане верили, что Демиург, «сотворив» человека путем соединения его духовной и телесной сущностей, пытался удержать первого человека в абсолютном рабстве. Первый человек не должен был сознавать свою высшую природу, дабы у него не обнаружилось стремление высвободиться из царства Демиурга. Отсюда – и повеление не есть от дерева познания добра и зла. Но Адам ослушался повеления Демиурга, и его непослушание разорвало оковы рабства; таким образом, он и его род достигли осознания своей высшей природы. Петр Сицилийский, легат, посланный византийским императором Василием I к павликианам для переговоров об обмене пленными, в своей книге *Historia Manichaeorum qui Pauliciani dicuntur* (один из главных источников сведений о павликианах) отмечает, что павликиане не считали «грехопадение» в Эдеме грехом, а наоборот, благом и необходимой предпосылкой для будущего искупления.

Сергий проводил параллели между поеданием Адамом и Евой запретного плода и их телесной связью (одно и другое обозначается одинаковым греческим словом «порнейя»). Сергий рассматривал это как благо, благодаря которому стало возможным размножение в человечестве семени божественной жизни и эволюция человеческой духовности. Таким образом, между представлениями павликиан, с одной стороны, и манихеев и многих гностиков, с другой, есть существенное отличие. И первые, и вторые считали материальный мир подобием темницы для частиц божественного света, сосредоточенными в человеческой душе. Но если манихеи и,

позже, западноевропейские катары, на этом основании считали нежелательными брак и рождение детей (поскольку это якобы приводит к увеличению «заклоченных» частиц), то павликиане, напротив, полагали, что многообразие оригинальных человеческих личностей создает предпосылку для эволюции человеческой духовности, что подготавливает пути для разрушения царства Демиурга.

Павликиане верили в существование имманентной связи между человеческими душами и всевышним Богом, связи, которая не может быть разрушена Демиургом. Каждая душа содержит Божественное откровение, и благодаря этому способна противостоять влиянию Демиурга. Это, по мнению павликиан, подтверждают слова из Евангелия от Иоанна: «В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его (Иоан. 1:4-5). Этот свет в частности проявляет себя в присутствии всем людям чувстве правды. Вместе с тем, человеку присуща свобода воли, и именно от его решения зависит, подчинится ли он власти греха, угнетая зерно божественного света в своей душе, или же будет следовать путем, предначертанным божественным откровением, тем самым, возвращая в себе зерно божественной жизни, даруя ему свободу и силу. Однако же, как бы низко ни пал человек, благодаря самой своей природе он не может быть полностью и навсегда лишенным вечной своей причастности к Богу. Поэтому, даже погруженный во мрак разум того, кто добровольно отдался во власть Демиурга, сохраняет способность воспринимать лучи света Правды; ибо Бог был, есть и будет, и в любые, самые темные и жестокие времена возможно его откровение человеку.

В системе павликиан важное место занимает доктрина искупления. Отдельные лучи откровения «непостижимого» Бога, воспринимаемые душами, заключенными в царство Демиурга, недостаточны для полного освобождения этих душ и совершенного их причастия Божественному Существо. Должен существовать более эффективный способ раскрытия Божества человечеству и освобождения последнего от владычества Демиурга. Это и было предназначением прихода Спасителя. Спаситель, согласно учению павликиан, пришел на землю в качестве небесного существа, будучи посланцем Высшего мира (небесный Град Божий), который есть источник божественной жизни. После выполнения своей земной миссии, Спаситель вновь вознесся в свое небесное обиталище. Что касается природы его тела, то тело из обычной «земной» материи наверняка сковывало бы возможности Спасителя, накладывало бы на него узы царства Демиурга. Поэтому тело Спасителя напоминало обычное только внешним видом, на самом же деле состояло из некоего «тонкого» вещества, привнесенного из Высшего мира. Собственно, это и дало ему возможность совершить чудеса, описанные в евангелиях. Мария же (мать Иисуса) послужила лишь каналом, инструментом пришествия Спасителя в этот мир.

Павликиане категорически противились почитанию Марии как богоматери. При этом они ссылались на содержащиеся в евангелиях указания о том, что у нее были другие сыновья после Иисуса (следовательно, она не может считаться «девой») – в Евангелиях неоднократно упоминаются братья и сестры Иисуса (напр., Мат. 12:46-48; Мат. 13:55-56; Лк.8:19-21). Также нигде мать Иисуса не называется в числе его ревностных последователей, распространителей его учения. В Деяниях святых апостолов не указывается, присутствовала ли «Дева» Мария даже в день Пятидесятницы среди апостолов, когда на них сошел Святой Дух в виде огненных языков. Существуют и косвенные указания на слабость ее веры. Во всяком случае, Иисус нигде ничем не выделяет свою мать, тем более не призывает поклоняться ей. Об этом есть свидетельства в евангелиях: когда одна женщина попыталась возвеличить Марию, Иисус возразил против этого: «...одна женщина, возвысивши голос из народа, сказала Ему: блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие! А Он сказал: блаженны слышащие Слово Божие и соблюдающие его» (Лук.11:27-28). Когда ему сказали: «Вот мать Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто мать Моя, и кто

братья Мои? И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного тот Мне брат и сестра и мать» (Мат. 12:46-50; Лука 8:20-21; Марк 3:31-35). Современные ученые сходятся на том, что культ богородицы – гораздо древнее христианства и восходит к древнейшим верованиям. В древнем Шумере поклонялись главной богине Инанне; в древнем Вавилоне поклонялись богине Иштар, в древнем Египте существовал культ Изиды, которую часто изображали держащей на руках младенца – Гора; в Греции роль богини-матери играли Артемида и Кибела. У многих народов присутствуют легенды о непорочном зачатии бога. Известно, что в течение первых столетий церкви не придавали никакого значения Марии вообще. Культ богородицы был признан официальной доктриной на Вселенском Соборе в Эфесе в 431 году, очевидно, с целью «примирения» христианства со всё еще популярными в народе языческими культами.

Каково было отношение павликиан к смерти Спасителя на кресте? Демиург, сознавая, что жизнь и деяния Иисуса угрожают разрушению его царства, побудил своих слуг распять его, но он не достиг цели, потому что Христос, благодаря «высшей» природе своего тела, был защищен от физических страданий. Вместе с тем, павликиане придавали распятию Христа символическое значение: Христос снизошел из божественного мира в царство Демиурга, «пропустив» себя через него (подобно тому, как вода проходит через почву). Павликиане не принимали свойственной современным христианам абсурдной доктрины об «искупительной жертве» Христа, якобы искупившего своими страданиями грехи человечества. Вообще, страдания Христа на кресте (если бы они вообще имели место) не имели бы никакого смысла. Павликиане почитали крест как геометрическую фигуру (изображая Христа с руками, распростертыми в форме креста), и, вместе с тем, осуждали поклонение кресту как куску дерева, орудию казни злодеев и символу проклятия.

Что касается подобающего образа жизни и соблюдаемых церковных обрядов, павликиане выступали за восстановление той простоты, которая была свойственна апостолам. По мнению павликиан, многочисленные внешние церемонии и ритуалы греческой церкви свидетельствуют об ее духовном упадке. Павликиане решительно боролись против представлений о магических эффектах от «внешних» церемоний, в особенности – церковных таинств, якобы способных исцелять болезни, решать другие проблемы. Они полностью отказались от внешних церемоний, связанных с отправлением таинств. Павликиане отрицали, что Христос якобы учредил крещение водой как предписание для будущих христиан; они утверждали, что под крещением он имел в виду лишь крещение Духом, так как благодаря своим учениям Христос сам стал живой водой для очищения человеческой природы. Также павликиане утверждали, что поедание плоти и крови Христа на самом деле является метафорой, суть которой состоит во вступлении в жизненную связь с ним посредством принятия его учения, его слова, которые суть – его настоящие тело и кровь. Под своим телом и кровью Христос имел в виду не реальные, материальные хлеб и вино, а свои слова, которые для души внимающего им человека значат то же, что материальные хлеб и вино означают для его тела.

Павликиане известны активным проповедованием своих убеждений. Вместе с тем, многих из них трудно было назвать фанатиками своей веры. По свидетельствам Фотия, в случае серьезных болезней некоторые павликиане прибегали к обрядам и ритуалам «традиционной» церкви; также, они часто крестили своих детей у священников, проживавших у них в качестве пленников. Многие малообразованные павликиане верили в полезность таких обрядов на том основании, что, поскольку материальный мир находится во власти Демиурга, обряды, отправляемые его слугами, могут его ублажить и принести пользу в «материальной» сфере, хотя эта польза и не распространяется во внутренний мир, находящийся за пределами его власти.

В традиционной церкви, по мнению павликиан, имело место смешение христианских, иудейских и политически мотивированных элементов, что и послужило причиной ее испорченности. Павликиане стремились к возвращению к апостольским традициям, обычаям, образу жизни. Павликиане называли себя христианами (хриstopолитами), тогда как приверженцев государственной религии Византии именовали ромеями (римлянами). Во всех своих действиях они старались следовать путем апостольской простоты, тщательно избегая всего, напоминающего иудейские или языческие ритуалы. Поэтому, в частности, они никогда не называли места своих собраний храмами (что навевало образы иудейского и языческих храмов), вместо этого более скромно называя их «ораториями». Главным сакральным ритуалом они считали молитву.

Характерной чертой павликиан было полное отсутствие какой-либо иерархии, деления между ними. Вообще, павликиане крайне негативно относились ко всякого рода общественным иерархиям, делениям людей на «высшие» и «низшие» категории. Наивысшей возможной привилегией среди них считалась принадлежность к христианам, которая означала обладание полным и чистым знанием Истины.

Павликиане считали клир традиционной церкви сформированным по модели Ветхого завета. Характерной сутью христианства, по представлениям павликиан, было высшее братство жизни, включавшее людей всех классов и положений и не признававшее различий между клиром и мирянами. У них были люди, занимающие определенные церковные должности, но они считались обычными членами общины, и не выделялись среди других ни одеждой, ни другими знаками отличий. Во главе церкви павликиан находились учителя, считавшиеся пробужденными Духом Божиим (самого Сергия считали пророком). Среди павликиан были классы учителей и пасторов, посланцев веры, миссионеров, переписчиков документов.

Хотя учение павликиан призывало к моральному благочестию, их жизнь была свободна от многих запретов и предрассудков, свойственных другим общинам того времени. В частности, у павликиан отсутствовали пищевые запреты (например, на поедание удавленины), которые налагала тогдашняя греческая церковь (павликиане считали эти запреты иудейскими предрассудками). С презрением павликиане относились к религиозным постам.

Оппоненты обвиняли павликиан в том, что они без колебания прибегали ко лжи во имя благой, по их мнению, цели. Фотий утверждает, что они без колебаний могли отречься на словах от своей веры, если этого требовали обстоятельства. Часто, перед лицом угрозы, которую могло представлять открытое исповедование своей веры, павликиане прибегали к словесным уловкам, о чем ярко свидетельствует вышеописанный допрос Гегнезия.

Хотя критики видели в этом признак «слабости» веры, причина такого отношения павликиан кроется совсем в другом. Они не придавали значения каким бы то ни было внешним проявлениям, включая словесные высказывания. Важным было состояние души человека, содержание его сознания, зов сердца. Павликиане боролись за свою правду и проповедовали ее. Но если обстоятельства складывались таким образом, что правда не могла быть услышана и, мало того, могла навлечь беду на провозглашавшего ее, павликианин мог с легким сердцем солгать на словах, оставаясь в душе верным своим убеждениям. Естественно, это противоречило идеалам и представлениям тех, кто силу веры и убеждений человека усматривает в его готовности идти на казнь с высоко поднятой головой, оставаясь верным своей вере. Павликиане же считали, что это противоречит самому духу христианства, которое человека, его душу, ставит выше формальных принципов и абстрактных идей. Павликиане не признавали святость клятвы, считая это языческим предрассудком. Слова веры были для них способом и инструментом донесения ее до готовых ее услышать, а не идеей, за которую стоит отдавать жизнь.

Павликиане не признавали авторитет Ветхого завета, считая иудаизм порождением Демиурга, и отрицали какую-либо связь между Ветхим и Новым заветом. Пророки, проповедники и учителя, учившие и проповедовавшие в духе Ветхого завета, по мнению павликиан, не несли знания об истинном Боге и не способствовали свободному развитию божественного естества в человеке, а наоборот, вели людей на ложный путь поклонения Демиургу. Эту свою точку зрения павликиане подкрепляли словами из Евангелия от Иоанна: «Все, сколько их ни приходило передо мною, суть воры и разбойники; но овцы не послушали их» (Иоан. 10:8). Павликиане придавали большое значение авторитету апостола Павла; они считали его послания важнейшим источником знаний о христианской доктрине, уступавшим по значимости только словам самого Христа в Евангелиях. Павликиане признавали авторитет всех четырех евангелий в том, что касается содержащихся в них высказываний Христа; вместе с тем, только два евангелия – от Луки и от Иоанна – почитались ими в качестве абсолютно правдивых и неискаженных источников религиозных истин. Полностью отвергались ими послания Петра, которого павликиане не считали настоящим апостолом, причисляя его к «ворам и разбойникам», исказившим истинное учение. В подтверждение этой точки зрения павликиане приводили евангельский рассказ об отречении Петра от Христа, что в их понимании символизирует его отречение от истинного его учения. Петр (которого павликиане презрительно называли «иудействующим» апостолом), по их мнению, пытался «приспособить» христианство к законам и обычаям иудаизма (о чем можно узнать из главы 2 Послания Павла к Галатам). Фактически, Петр заменил истинное христианство неким гибридом из иудаизма и элементов христианства, который в большой степени послужил основой для вероучения традиционной христианской церкви.

Традиционные церкви считали павликиан еретиками, но так ли это на самом деле, или они всё же были выразителями истинного, неиспорченного христианства – учения, которое проповедовали Христос и апостолы? Учения, которое впоследствии было сильно искажено иудеями и римлянами, «адаптировавшими» его к текущим социально-политическим реалиям и превратившими его в еще один инструмент идеологического влияния на массы, по своей сути мало отличающийся от языческих религий.